Дорогой читатель, в январские новогодние и рождественские дни самое время поговорить о чудесах. Хочу рассказать вам о странных превращениях героев в поэме В. В. Маяковского «150000000».

Сюжет таков: герои из Страны Советов, русские люди, попадают в Чикаго, чтобы помериться силами с Америкой и показать свою мощь. И вот вроде бы произведение носит политический социальный характер, но не все так просто. Во-первых, весь русский народ представлен поэтом в образе богатыря человека-Ивана, человека-коня. Во-вторых, сам Маяковский изначально поэму предполагал озаглавить так: «Былина об Иване», «Иван Былина. Эпос революции» — и это уже заставляет задуматься читателя и исследователя.

В фольклоре, как известно, Иван связан со сказочной традицией, представлен зачастую как Иван-дурак или Иван-царевич, хотя можно было бы обратить внимание и на былины об Иване Годиновиче, однако, думается, Маяковский больше ориентировался на русскую сказку, архетип Ивана-дурака. В поэме «150000000» Иван прибывает в Чикаго вестником «Страшной бури на Тихом океане»:

Страшная буря на Тихом океане.

Сошли с ума муссоны и пассаты.

На Чикагском побережье выловлены рыбы.

Очень странные.

В шерстях.

Носатые».

Фольклору известен сюжет о *переправе культурного героя в теле рыбы.* Этот случай связан с *поглотителем,* из которого добываются все первые вещи. Русская сказка хранит в себе сюжет о переносе героя в рыбе, который может означать встречу с умершими, *первопредками.* В тексте поэмы Иван лишь сравнивается с рыбой, но поэт никогда и не присягает на верность фольклору:

Насчет рыб ложь.

Рыбак спьяну местный.

Муссоны и пассаты на месте.

Но буря есть.

Даже еще страшней.

Причины неизвестны.

В данном случае оказывается продуктивной типология из грузинского фольклора, в котором отмечается исследователями «культ рыбы». Этнографами подмечено, что животные-тотемы в Грузии могут быть представлены ***матерью рыб.*** Здесь можно говорить о «биографическом моменте»: Маяковский провел в Грузии свои детские годы; хорошо знал грузинский язык и фольклор. Однако и типология культур наглядно демонстрирует *поглощение зверем-тотемом* и приобщение к знаниям предков через этот акт. Кроме того, поэт в своем творчестве обращался к культу «каменной бабы», характерному для половецких степей и созвучному с древними стелами, построениями, обнаруженными в Грузии. Такие изваяния поэт и мог видеть в Грузии, где сохранился культ матери-рыбы, представленный и устно, и в каменных идолах: «...культ исполинских каменных рыб, сохранившихся на территории Южной Грузии и Армении и относящихся к эпохе мегалитической культуры... Эти каменные стелы в форме рыб, достигающие иногда нескольких метров, стоят вертикально у источников рек и озер и именуются *вешапы* в Грузии и *вишапы* в Армении».

Иван по прибытии в Чикаго «распадается» на сотни тысяч человек и вещей:

Сабля взвизгнула.
От плеча
и вниз
на четыре версты прорез.
Встал Вильсон и ждет —
кровь должна б,
а из
раны
вдруг
человек полез.

И дело здесь не только в переосмыслении греческого мифа о «Троянском коне» — это один, первый, план данного образа, — а в «поглощении» этим конем Ивана и, наоборот, коня Иваном:

О горе!
Прислали из северной Трои
начиненного бунтом *человека-коня!*

Маяковский заявляет своей поэмой не только модель нового государства, но и концепцию нового бытия:

Голодая и ноя,
города расступаются,
и над пылью проспектовой
солнцем встает бытие иное.

Этот Иван-конь вобрал в себя миллионы людей, вещей, улиц, домов — таким образом, происходит космическое обновление, обновление Вселенной, приобщение новой страны к знаниям первопредков. Думается, что Маяковский избрал образ Ивана не случайно. *Ориентация, с одной стороны, на эпос, с другой стороны, на собирательный образ Ивана демонстрирует не простое отображение жизни, а ее преображение, что, конечно, было характерным для картины мира эпохи авангарда.*

Итак, дорогой читатель, в своей загадочной и сложной поэме Маяковский по-новому представил русского человека, связав его с богатырской мощью всей страны, представил его через образ человека-Ивана, человека-коня. Русский человек и Россия сильны своими корнями, уходящими в *даль времен*, укорененностью в земле, которая у нас непременно ***солнечная***. Ведь и конь, и сам Иван, пусть даже дурак, — солярные герои, соединяющие своей устремленностью горний мир и землю. Культурный и фольклорный коды необходимы при чтении этой поэмы — поэт не мог, да и не должен был в то непростое время просто так открываться читателю. Так что прошу мне довериться, мой умный читатель, и поверить в чудесное преображение.